

Плейлист

The Police — Every Breath You Take

Ray Parker Jr. — Ghostbusters

(из фильма «Охотники за привидениями»)

Ария — Осколок льда

Король и Шут — Лесник

Depeche Mode — Personal Jesus

Nirvana — Rare me

Blue Foundation — Eyes on Fire

*Lord of the Lost & Within Temptation —
Light Can Only Shine in the Darkness*

XOLIDAYBOY — Между строчек

DELTO — Тучи

Hyperchild — Wonderful Life (Black cover)

Совет первый:

*«Я могу быть только таким, какой
я есть. А каким — я должен
понять сам».*

*Ульф Старк
«Пусть танцуют белые медведи»
(перевод со шведского
Ольги Мяозтс)*

I

Мы впервые увиделись на углу торгового центра, рядом с вещевым рынком. Зимой. Я сидел в картонной коробке и ловил носом холодные, а потом мокрые снежинки. Стоял крепкий мороз, пробирающий до костей. Это я не сам придумал — бабушка, которая искала моей семье дом, повторяла про свои замерзшие кости каждый раз, когда кто-нибудь подходил к коробке. У меня четыре брата и две сестры, к счастью, они уже нашли свой дом, а я остался последним. Не особо отчаиваясь, был готов вернуться вместе с бабушкой к маме, съесть на ночь немного простокваши и приступить к исследованию комнаты со странными стеклянными банками на полках.

Но пришел *он*.

— Ух, мороз сегодня до костей пробирает! — сказала бабушка уже в седьмой раз.

Пришлось хорошенько приподнять голову, чтобы рассмотреть мужчину получше. Он был в куртке не по сезону, замотанный в желтый шарф,

но без шапки и перчаток. Высокий и статный, как жираф. На короткие белые волосы падал снег, покрасневшие ладони чуть выглядывали из карманов. Сам человек переминался с ноги на ногу, словно не решаясь уйти.

Наши взгляды встретились.

«Чего уставился? — подумал я. — Будто у тебя выбор есть. Бери — и все тут!»

— Лохматый какой, — ухмыльнулся мужчина.

«Сам ты лохматый! Хоть бы побрился», — с важным видом отвернулся я.

— У него в роду были персидские коты, а еще мейн-куны. Смешанный он, — объяснила бабушка.

— Ну, заворачивайте, — сказал мужчина так, будто купил не кота, а селедку на ужин.

«Заворачивайте! Ишь какой!»

Повезло ему, что я остался последним: меня отдали вместе с коробкой, в которой мы раньше ночевали с другими котятами. Она пахла морозной свежестью и молоком. *Домом.* Я парил по воздуху, мужчина нес меня аккуратно, но иногда поскользывался на припорошенных замерзших лужах, и коробку слегка потряхивало. «Неуклюжий», — подметил я.

Бортики у коробки были низкими, и я мог смотреть по сторонам. Мы прошли по котовскому Арбату, затем свернули на полосатую дорогу, миновали продуктовый магазин, из которого тянуло колбасой. Кажется, вышли на улицу с главной дорогой города. Здесь даже поздним вечером машины шуршат по асфальту бесконечным потоком

и светят назойливыми огоньками в глаза. Праздничные елки давно убрали, февраль же. А вот несколько новогодних гирлянд до сих пор мерцали на вывесках местных бутиков.

Котовск был маленьким городком со своей собственной атмосферой и устоявшимися порядками. Я видел передачу по телевизору про огромную Москву. Там жизнь текла иначе: события за событиями, все куда-то бежали, вывески то и дело менялись под стать празднику или акции. А у нас все *разме-е-еренно* — с чувством, с толком, с расстановкой. Отсюда и гирлянды на домах, еловые игрушки на столбах в корзинках висят.

Внезапно мой новый хозяин снова ускорил шаг, но тут же притормозил, едва не растянувшись в продольный шпагат на светофоре. Любопытно, сколько еще раз ему нужно поскользнуться, чтобы он перестал спешить? Его красные уши смешно выглядывали из-под светлых волос, — так сказать, светились индикатором, говорящим о степени замерзания.

— И что мне с тобой делать? — задался он вопросом.

Люди часто разговаривают с котами. На что надеются — непонятно. Это мы хорошо понимаем человеческую речь, а вот они кошачью — не очень. Бабушка постоянно беседовала со мной, особенно когда смотрела сериалы и вязала носки. Насмотрится, навяжется и начинает рассуждать вслух: «Ну вот куда он пошел?! А она чего? Пушок, ты

посмотри, что делается, а! Безобразия! Скажи ей, скажи!» И так каждый вечер.

Мы ощутимо замедлились. Я уставился вперед, силясь прочесть вывеску, красующуюся над массивной зеленой дверью. Но так и не смог, потому что еще плохо понимал буквы. В окнах горел желтый свет, оттуда виднелось много-много полок. Мужчина вздохнул и, удерживая коробку со мной на одной руке, открыл свободной дверью, впуская холод и метель из снежинок внутрь. Меня обдало приятным жаром и странным ароматом. Чувствовался запах типографской краски, бумаги, клея... Я закрыл глаза и вдохнул поглубже. Аромат казался волшебным, терпким и... пыльным. Я тут же зачихал, пряча нос белыми лапками, забившись в картонный угол.

— Марк! — Вскоре раздался громкий топот по ступенькам и высокий девичий голос. — Что это у тебя?

Значит, Марк? Моего нового хозяина звали Марк. Это его имя. Меня бабушка раньше называла Пушком, правда, она забыла об этом сказать Марку.

— Мрра-а-ак, — я попробовал произнести его имя вслух. Но отчего-то не получилось как надо. Со стороны им, конечно же, послышалось типичное «мур-мяу».

Светловолосая девочка, подошедшая к коробке, тут же рассмеялась. Стала меня гладить и чесать за ухом. В общем, нагло переходила все рамки приличия и стирала мои личные границы.

Но приятно.

— Я слышал вчера ночью мышей в подвале. Вот, взял охотника, — коротко объяснил мое появление здесь Марк. — Можешь идти домой, если хочешь.

— И оставить такого пушистика с тобой? Шутишь? Его надо накормить! Организовать туалет, купить игрушки и когтеточку...

— Тогда я наверх, а ты дуй за провизией.

— Мигом!

И девочка, впопыхах накинув куртку с капюшоном, выскочила за дверь, . Несмотря на то что Марк говорил про какой-то верх, он явно отвлекся. Сперва прищурился и очень внимательно осмотрел полки, а потом выхватил одну книгу и переставил ее на другое место. Да-да, я не ошибся, здесь действительно пахло бумагой и краской. Все помещение было заставлено книгами, причем разными. С твердыми и прочными корешками, вперемешку с ними стояли тонкие в мягкой обложке. Новые книги и старые, даже ветхие, от них как раз таки тянулся запах вековой пыли. Я снова чихнул.

— Что? Пыль тебе не нравится? Ну извините, Ваше Котейшество, это почти антиквариат, — снисходительно заявил Марк.

То, как он обратился, мне очень понравилось. Я сразу почувствовал себя важным и значимым, чуть ли не котом королевских кровей. А вот над интонацией, с которой он это произнес, следовало поработать. Недовольный и саркастичный Марк. И правда «Мрра-а-ак»!

Он двигался от полки к полке, словно выискивая что-то. Его глаза заинтересованно бегали по корешкам. Марк бережно водил указательным пальцем по надписям и шевелил губами, неслышно читая названия. Я тоже хотел знать, что там написано, весь напряжился, оперся передней лапкой на бортик коробки и потянулся другой к книге. Не удержался и выпал из картонного домика, уцепившись коготком за страницы. Мы — я и книга — упали вместе, еле-еле успел выскокить из-под нее, прежде чем она бумкнула на пол. Я испугался и, обнажив когти, забрался по штанине Марка вверх.

— Эй, аккуратно! Вообще-то больно, — он перехватил меня и засунул в коробку, а потом наклонился и поднял книгу с пола. Ей-богу, как драгоценность! Как реликвию. Сдул с нее невидимые пылинки, обтер об штаны обложку и вдохновенно стал рассматривать ее. — Мы книги здесь не роняем, не царапаем, а обеспечиваем им достойное хранение и устраиваем теплую встречу с читателями, ясно? Как говорил Максим Горький: «Книга — такое же явление жизни, как человек, она — тоже факт живой, говорящий, и она менее „вещь“, чем все другие вещи, созданные и создаваемые человеком». Вот.

Пожалуй, с этого самого момента я кое-что понял: мой новый хозяин — книготорговец, который собирает книги, читает книги, перекупает книги и продает тоже книги. К ним он относится с большим трепетом и уважением. И мне, как коту кни-

готорговца, надо было соответствовать. По крайней мере, точно научиться читать — и поскорее.

— Кстати, хороший выбор — Джон Грин, надо почитать, возьму с собой наверх, — все это время Марк продолжал крутить томик в руке, случайно сброшенный мною с полки.

Я толком не успел разглядеть лабиринт из книжных стеллажей (но очень хотелось!), а Марк потащил меня на второй этаж. Ногами он быстро перебирал по деревянным ступенькам винтовой лестницы. Чем выше мы поднимались, тем живее мне представлялась картина, что это не лестница, а обзорная площадка, с которой мой хозяин может окидывать взглядом книжные владения. Однако даже на самой последней ступеньке мы не задержались. Марк поставил коробку в углу напротив дивана, а сам наконец стянул с себя желтый шарф и черную куртку, скинул ботинки по пути и стал хозяйничать по дому. Наверное, второй этаж считался его укромным местечком, куда можно сбежать ото всех. У каждого было такое место: у моей мамы — кухонное окно, на которое мы — котята — еще плохо умели забираться; у бабушки — узкий кабинет со стучащей швейной машинкой и тусклой лампой на потолке; у меня — шкафы и полки. Вот только бабушке не нравилось, когда я забирался в вещевой шкаф, она сразу же прогоняла, если находила меня, и нередко бранилась, пока мокрыми руками смахивала шерсть с какой-нибудь кофты.

У Марка апартаменты были куда скромнее: кухня, объединенная с залом, туалет и маленькая